

Весть о том, что Цэнь Сяо и Ли Жун не просто вместе обедали в столовой, но и делили одну порцию фо на двоих, разлетелась по школе мгновенно.

Слухи о признанных лидерах школы всегда распространялись со скоростью лесного пожара, а здесь в центре внимания оказались сразу две ключевые фигуры.

Линь Цинь, волею судеб оказавшийся в их тесном кругу, тоже ощутил на себе плоды этой внезапной славы. Отношение окружающих к нему неумовимо изменилось. Теперь никто не смел без спроса брать его вещи, во время генеральных уборок на него больше не спихивали чужую работу, а любители переложить на других свои поручения по доставке еды или посылок внезапно попритихли.

Строго говоря, его и раньше не то чтобы травили — в Школе А за этим следили крайне строго, и за последние годы здесь не случилось ни одного серьёзного инцидента. Но это витавшее в воздухе пренебрежение порой становилось невыносимым. Он не мог бегать ко всем подряд и жаловаться на жизнь, словно вдова Сянлинь, и уж тем более не собирался вываливать все эти мелкие пакости на голову Ян Фанфан.

Теперь же, если кому-то и требовалась его помощь, его хотя бы спрашивали, согласен ли он. А если Линь Цинь набирался храбрости и отвечал отказом, на него лишь исподтишка бросали недовольные взгляды и понуро возвращались на свои места, не смея больше проронить ни слова.

С каждым днем его настроение перед школой становилось всё лучше.

К тому же Линь Цинь осознал, что его прежние представления о товарищах были лишь набором стереотипов. Раньше Цэнь Сяо казался ему пугающим, Цзянь Фу — беспардонным, а Ли Жун — холодным и недосягаемым.

Вероятно, из-за глубоких связей и мощной ауры Цэнь Сяо всегда производил впечатление человека, с которым лучше не связываться. Но на деле за все три года он ни разу не воспользовался влиянием своей семьи, чтобы кого-то притеснить. Он даже не пытался сколачивать банды для травли неугодных. Подобные вещи были попросту ниже его достоинства.

Цзянь Фу, хоть и любил иногда ляпнуть лишнего, не подумав, в сущности, не имел дурных намерений. С таким человеком было даже спокойнее: не нужно было опасаться, что он скажет одно в глаза, а другое — за спиной. К его прямолинейной манере речи со временем привыкаешь и просто перестаешь замечать колкости. В конце концов, у кого не бывает недостатков?

Что же касается Ли Жуна, Линь Цинь и вовсе не знал, как его благодарить. Все вокруг

твердили, что дело Ли Цинли и Гу Нун обнажило гниль за блестящим фасадом их семьи, но Линь Цинь видел ровно обратное. Окажись он сам в подобном водовороте событий, он бы точно не выдержал. Наверняка озлобился бы на весь мир или сломался. Но не Ли Жун. Тот оказался сильнее любого, кого Линь Цинь когда-либо встречал.

Он верил: наступит день, когда справедливость восторжествует и доброе имя семьи Ли будет восстановлено. И пусть запоздалое правосудие — это лишь горькое утешение, оно всё же лучше, чем ничего. Линь Цинь дал себе слово: если в будущем он сможет хоть чем-то помочь Ли Жуну, он приложит к этому все силы.

В четверг Ли Жун получил уведомление из суда: до конца недели он должен был освободить виллу. Дом изымали для подготовки к аукциону.

Секретарь суда, занимавшийся этим делом, оказался человеком сочувствующим и даже сообщил Ли Жуну, что его дядя, Гу Чжаонянь, приедет за ним.

Однако Ли Жун прекрасно понимал, что тот и пальцем не пошевелит. Скорее всего, после того как Цзянь Фу проучил Гу Тяня, дядя затаил на племянника еще более глубокую обиду. Ли Жун лишь вежливо поблагодарил секретаря, не став ничего уточнять.

Честно говоря, необходимость съехать принесла ему скорее облегчение. Хотя это был его дом на протяжении десяти с лишним лет, после смерти родителей каждое возвращение сюда давило на него непосильным грузом. Это гнетущее чувство ежеминутно напоминало ему, как он еще далек от своей цели. Но Ли Жун понимал: спешка ведет к ошибкам, а сейчас он не имел права на промах.

Он решил временно перебраться в школьное общежитие, но переезд — дело хлопотное и физически тяжелое. И тогда Ли Жун решил пустить в ход Цэнь Сяо и Цзянь Фу.

В пятницу после первого урока Ли Жун взял свой термос и направился к кулеру. На обратном пути он намеренно остановился у стола Цзянь Фу.

Окинув взглядом гору не сданных тестов на столе приятеля, Ли Жун изогнул губы в улыбке: — Вижу, у тебя тут приличный долг. Давай помогу, напишу всё за тебя.

Цзянь Фу был полностью поглощен игрой на телефоне. Обычно в такие моменты он не слышал ничего вокруг, но сейчас эти слова прозвучали для него слаще ангельского пения. Он вскинул голову и впервые в жизни посмотрел на Ли Жуну так же, как Линь Цинь — словно тот был окружен святым сиянием.

Сняв один наушник, Цзянь Фу переспросил: — Блин, серьезно?

Хотя он и поступил в Университет А по спецнабору и не дрожал перед выпускными экзаменами, его родители дорожили репутацией. Если бы он совсем завалил учебу, им было бы стыдно смотреть людям в глаза, поэтому жалоб учителей Цзянь Фу побаивался.

Ян Фанфан любила раздувать из мухи слона и при каждом удобном случае докладывала его родителям о его «неудовлетворительном отношении к учебе» и о том, как он едва не сорвал экзамен, устроив коллективное списывание. Отец с матерью читали ему долгие нотации, и от этих бесконечных нравоучений у юноши уже голова шла кругом.

Ли Жун мельком взглянул на тесты и небрежно бросил: — На один лист у меня уйдет от силы минут тридцать. Всё равно делать нечего.

Цзянь Фу расплылся в довольной улыбке и, позабыв об игре, поспешно спихнул Ли Жуну все свои задолженности по гуманитарным предметам. — Скорее, скорее! Спасибо, выручил! Ты просто спас меня из пучины страданий! Сегодня обед в столовой за мой счет!

В этот момент он подумал, что его брат Сяо всё-таки чертовски проницателен. Привлечь Ли Жуна на свою сторону было отличной идеей — как минимум, вопрос с домашкой теперь можно было считать решенным.

Спрятав усмешку, Ли Жун забрал бумаги и вернулся на свое место.

Цзянь Фу сиял от радости. Он победно хлопнул соседа по плечу: — Дальше пиши сам, папочка умывает руки!

Ли Жун, устроившись за столом, положил перед собой тесты и термос. Он вальяжно закинул ногу на ногу и, покрутив ручку между пальцами, принялся за работу.

Цэнь Сяо скользнул взглядом по чистым бланкам, после чего отвернулся к доске и негромко заметил: — Опять ты Цзянь Фу вокруг пальца обводишь.

Ли Жун повернул голову и несколько секунд пристально смотрел на него. В уголках его губ заиграла лукавая улыбка: — Что, ревнуешь, раз я тебя в оборот не взял?

Он с интересом изучал лицо Цэнь Сяо, словно и впрямь надеялся разглядеть на нем тень ревности. Ли Жун всё лучше считывал смену настроений собеседника. Возможно, в этой жизни Цэнь Сяо еще не успел возвести вокруг себя столь неприступные стены, а может, сам Ли Жун теперь понимал его гораздо лучше, чем когда-либо прежде.

Цэнь Сяо издал короткий смешок. Он плотно сжал губы, не подтверждая и не отрицая обвинение. На его лице застыло выражение напускного безразличия, но в этом упрямстве чувствовалось, что он просто не хочет признавать очевидное.

Ли Жун медленно перестал улыбаться. Его взгляд стал серьезным. — Тебя-то мне всё равно не перехитрить. К тому же я знаю, что ты и так мне поможешь.

Его голос прозвучал настолько мягко и искренне, что у Цэнь Сяо перехватило дыхание. Мимолетное недовольство мгновенно испарилось. Он невозмутимо притянул к себе лист, над которым Ли Жун уже успел поработать, и, делая вид, что изучает почерк, спросил: — Что ты задумал на этот раз?

Ли Жун легонько постучал кончиком ручки по столу: — Пришло уведомление из суда. Нужно съезжать. Мне нужны люди, чтобы помочь разобрать вещи. Там много бумаг и рукописей родителей, я не могу доверить их чужим людям.

Цэнь Сяо отложил тест. — Жилье уже нашел?

Ли Жун пожал плечами: — Пока проживу в общежитии. Заодно и к школе ближе. Желающих жить в корпусе у нас немного, так что свободных комнат должно быть полно.

Цэнь Сяо помолчал, после чего коротко обронил: — Ладно.

Это лаконичное «ладно» означало, что он согласен помочь.

Сдержав победную улыбку, Ли Жун вытянул тест из-под локтя Цэнь Сяо и принялся быстро писать. Он вовсе не был бессилен против Цэнь Сяо, он просто знал, какие методы на него действуют безотказно.

С двумя гуманитарными тестами Ли Жун управился за один урок. На перемене он вернул работу Цзянь Фу. Тот с важным видом принялся проверять написанное. — Аккуратно, конечно... Но почему ты пишешь так бледно? Сил в руках не хватает, что ли?

Он и раньше замечал: когда Ли Жун объяснял что-то Линь Циню, он едва касался бумаги пером, словно экономил чернила. Ли Жун понимал, что Цзянь Фу доволен как слон, просто его натура требовала к чему-нибудь придаться.

— Не люблю, когда остаются вмятины. Это уродливо, — беспечно отозвался Ли Жун.

Он писал сразу на стопке листов, и при сильном нажиме следы ответов неизбежно отпечатались бы на следующем бланке. И хотя это было почти незаметно, его это раздражало. У Ли Цинли была та же привычка — как и во всём в жизни, он всегда действовал основательно, и от его письма на бумаге оставались глубокие борозды.

Отец в шутку называл это «особой формой перфекционизма» и говорил, что великие люди не должны размениваться на мелочи. Но стоило Ли Жуну надуться, как Ли Цинли тут же шел на попятную и с доброй улыбкой добавлял: «Вообще-то у каждого свои пунктики. Мой нажим —

тоже один из них. Но у тебя получается гораздо чище и изящнее».

А мать неизменно вставляла: «Вот именно, сын у нас во всём тебя превзошел».

Ли Жун никогда не мог по-настоящему злиться на родителей. И хотя он не знал, как ведут себя другие отцы и матери, он был уверен: Ли Цинли и Гу Нун были самыми понимающими родителями на свете и самыми достойными людьми.

Цзянь Фу спрятал тесты и, стараясь сохранить крутой вид, буркнул: — Спасибо.

Ли Жун удовлетворенно кивнул: — Хорошо. Не забудь прийти завтра, поможешь мне с вещами.

Глаза Цзянь Фу полезли на лоб. — Это еще с какого перепугу?

— Ну, мне нужно переехать, а одному со всем не справиться.

— Черт возьми, я на такое не подписывался! — опешил Цзянь Фу.

— Я сделал за тебя домашку, — резонно возразил Ли Жун. — Ты же такой благородный человек, неужели бросишь друга в беде?

Цзянь Фу поперхнулся.

«Это же чистой воды вымогательство! — возмутился он про себя. — И ведь даже не пожалуешься никому»

Пока он судорожно соображал, как бы потактичнее отказать, Ли Жун уже скрылся из виду. Сосед по парте не упустил возможности сочувственно похлопать Цзянь Фу по плечу: — Видишь, самому делать уроки — не такая уж и плохая идея.

Ли Жун не стал звать Линь Циня. Не из недоверия, просто тому вскоре предстояли творческие экзамены, и каждый вечер он пропадала на дополнительных занятиях. Ли Жун не хотел отнимать у него драгоценное время. Сил Цэнь Сяо и Цзянь Фу должно было хватить с лихвой.

В субботу Ли Жун проснулся ни свет ни заря. Из-за предстоящих дел сон был тревожным и прерывистым. Выбравшись из-под одеяла, он прямо в постели создал групповой чат, добавив туда Цэнь Сяо и Цзянь Фу.

[Дружеская помощь старосте в переезде]

[Ли Жун: Проснулись уже? Нас ждет прекрасный день! :) @Цэнь Сяо @Цзянь Фу]

[Цэнь Сяо: ...]

[Цзянь Фу: ...Что еще за дурацкое название?]

[Ли Жун: Читайте заголовок группы]

[Цзянь Фу: Выходной же, я хочу выспаться. Буду после обеда]

[Цэнь Сяо: Пусть спит. Приедем попозже, ничего страшного]

[Ли Жун: Ладно, тогда на обеде сэкономим]

[Цзянь Фу: Ну и жади́на же ты]

Ли Жун и сам не горел желанием вылезать из теплой постели. Закрыв мессенджер, он снова откинулся на мягкие подушки и уставился на шкаф.

Это был его последний день в этом доме. Иногда его охватывало странное чувство.

«Будто всё происходящее — лишь сон, — думал он. — Стоит мне открыть глаза, как я снова окажусь в «Хунсо», ученым на пороге великого открытия в проекте GT201»

Солнце за окном поднималось всё выше, золотистые лучи медленно подползали к кровати. Ли Жун пришел в себя и потерся головой об это солнечное пятно на подушке.

Цзянь Фу и Цэнь Сяо приехали после обеда. Готовясь к физической работе, Цэнь Сяо надел эластичное худи с длинными рукавами и широкие спортивные брюки. Было не очень холодно, и он небрежно засучил рукава, обнажив крепкие, жилистые предплечья. Простая одежда сидела на нем безупречно благодаря натренированной фигуре.

Взгляд Ли Жуна на мгновение задержался на его грудных мышцах, проступавших сквозь ткань, скользнул по вздувшимся венам на руках и быстро вернулся к лицу. Воспоминания о том, какова эта грудь на ощупь, казались чем-то из невообразимо далекого прошлого.

Цзянь Фу вошел с крайне недовольным видом и тут же принялся ворчать: — В следующий раз, даже если будешь умолять, я тебе ни одного теста не дам. Ладно меня обвел вокруг пальца, но как ты брата Сяо умудрился в это втянуть? Эй, на что он тебя купил? — повернулся он к другу.

Цэнь Сяо переглянулся с Ли Жуном и невозмутимо ответил: — Обещал помочь с уроками.

Цзянь Фу всплеснул руками: — Вот ведь лис! Я так и знал, что бесплатный сыр только в мышеловке!

Причитая, он принялся бегло осматривать обстановку дома. Цзянь Фу впервые был у Ли Жуна, и его распирало любопытство. Однако по мере того как он обходил комнаты, его брови ползли всё выше. — И вот это называют роскошной виллой, о которой трубят весь интернет?

Дом Ли Жуна на полноценную виллу тянул с трудом. Этот квартал в Старом районе когда-то попал под программу сноса, и после постройки новых домов бывшим владельцам предложили льготные условия. Те, кто мог себе это позволить, остались, остальные взяли компенсации и съехали.

У семьи Ли были средства, и они решили остаться. Но в доме не было и намека на роскошь: небольшой двор, гараж на одну машину, два этажа и четыре спальни. Учитывая доходы медицинской компании семьи Ли, это жилье можно было назвать вызывающе скромным. У любого профессора из Исследовательского института «Хунсо» было как минимум пара таких домов. А после описи имущества семьи Ли выяснилось, что у них эта вилла — единственная.

Только теперь Цзянь Фу осознал, насколько преувеличены были слухи. Большинство людей в глаза не видели фотографий этого дома, но уже нафантазировали себе дворцы где-нибудь на холмах Лос-Анджелеса. Раньше Цзянь Фу тоже верил в байки про особняки и лимузины, но не видел в этом ничего плохого: у семьи был бизнес, и желание жить с комфортом казалось естественным.

Но теперь, видя воочию «доказательство» алчности и расточительности Ли Цинли, он почувствовал, как внутри нарастает неприятное смятение. Если даже это оказалось ложью, то что в этой истории вообще правда?

Ли Жун, мастерски считывавший чужие эмоции, бросил на пол стопку коробок и взглянул на Цзянь Фу: — Что, реальность не совпала с ожиданиями? Почувствовал, как картина мира дает трещину?

Цзянь Фу сглотнул, фыркнул и уставился в потолок. — Трещину? С чего бы это? Я в своей жизни и не такое видел, меня этим не прошибешь.

Ли Жун лишь понимающе усмехнулся.

Больше Цзянь Фу не ворчал. Он рьяно принялся за дело: таскал коробки, упаковывал мусор и вскоре весь взмок от усердия. Ли Жун выносил из кабинета книги и рукописи родителей, бережно оборачивал их пузырчатой пленкой и укладывал в ящики.

Он присел на корточки и, отрывая куски скотча, начал заклеивать коробки. Цэнь Сяо подтащил к нему следующий полный ящик. По сравнению с Ли Жуном он казался двужилым. Ли Жун же, едва закончив с книгами, уже тяжело дышал, а на его щеках

проступил яркий румянец.

От усталости он сильно вспотел: белая футболка промокла насквозь и плотно облепила тело, а по шее то и дело скатывались мелкие капли пота. Кожа на его шее была тонкой и нежной, почти прозрачной; капли дрожали при каждом движении кадыка, и в этом зрелище было нечто необъяснимо притягательное.

Ли Жун не замечал потемневшего взгляда Цэнь Сяо. Глубоко вздохнув, он склонился над коробкой и зубами перекусил скотч, после чего безразлично сплюнул прилипший к языку кусочек полиэтилена. На бледном лице его язык казался непривычно ярким и алым.

Цэнь Сяо почувствовал, как во рту пересохло. — Вода есть?

Ли Жун перевел дыхание и облизнул пересохшие губы. Опершись рукой о коробку, он тряхнул влажными волосами: — На кухне есть минералка и булочки. Только не налегайте особо, я заказал еду на вечер. Цэнь Сяо, сходи потом на балкон, сними вещи. Ты повыше, тебе удобнее будет.

Вчера вечером Ли Жун перестирал всё постельное белье и повседневную одежду, но обнаружил, что сушилка сломалась. Пришлось развешивать всё на маленьком балконе. К счастью, суббота выдалась солнечной и ветреной, так что к обеду всё должно было просохнуть.

подавив внутреннее волнение, Цэнь Сяо глухо ответил: — Хорошо.

Когда он ушел, Ли Жун принялся проверять коробку, которую упаковывал Цэнь Сяо. Он делал пометки маркером на крышках, сверяясь со списком.

«Настольная лампа, увлажнитель, будильник...»

Внезапно рука его замерла. Он кое-что вспомнил. На балконе сушились не только простыни и футболки. Там висело еще штук восемь его трусов.

При мысли о том, что Цэнь Сяо сейчас будет собирать его нижнее белье, Ли Жуну стало не по себе. Он резко вскочил. В глазах на мгновение потемнело от скачка давления, но он, не обращая внимания, бросился на второй этаж.

— Вещи я сам заберу! Ты лучше...

Крик оборвался на полуслове. Ли Жун замер в дверях. Он сглотнул, глядя на руки Цэнь Сяо.

На левом локте того висела целая куча вещей: пододеяльник, брюки, рубашки... а сверху, на самом виду, лежали его трусы. Цэнь Сяо совершенно невозмутимо снял с веревки еще одну

пару и добавил в общую стопку.

Ли Жун почувствовал, как у него дергается веко. Стараясь казаться спокойным, он подошел ближе и протянул руку: — Давай я сам.

Первым делом он попытался выхватить свои трусы. Цэнь Сяо опустил взгляд на его руки и как бы невзначай заметил: — А ты, я смотрю, предпочитаешь боксеры.

Ли Жун оцепенел. Разумеется, он носил боксеры. До встречи с Цэнь Сяо он был человеком сдержанным, даже холодным, и в вопросах быта предпочитал комфорт и умеренность. Боксеры были идеальны: удобные, не выделяются под одеждой, ничего лишнего.

Но у Цэнь Сяо всегда были свои предпочтения — чем меньше ткани, тем лучше. И после окончания университета всё изменилось...

Давление у Ли Жуна окончательно подскочило. Ситуация была донельзя неловкой: человек, который когда-то изменил все его привычки, стоял прямо перед ним. Все воспоминания о прошлом были живы как никогда, и Ли Жун прекрасно понимал двусмысленный подтекст этой фразы.

Среди бела дня в его голове внезапно, словно мощный спорткар, пронеслась очень откровенная фантазия.

<http://bllate.org/book/15351/1420297>